

■ Традиции и власть: эпизоды противостояния

"Ош наших предков" Елены Дружининой

У журналистов "Ленинского пути" (так называлась наша областная газета до 1 октября 1991 г.) в свое время чувство зависти вызвал дебют не собрата по перу, а ошского ученого-историка Елены Васильевны Дружининой. Выразительный текст, обширнейшая эрудиция, соединенная с доступностью изложения. И четкая, бескомпромиссная позиция в вопросах охраны памятников истории и культуры. Всего этого хватило, увы, лишь на два номера нашего издания - за 11 и 12 января 1972 г. Но 5 февраля под тем же заголовком ("Ош наших предков") автор в третьем очерке казлась, что вела читателей "ЛП" в многочисленные идейные заблуждения и с еще большим пылом-жаром отрицала все, что было ею же, тремя неделями раньше, справедливо и квалифицированно утверждено. Можно было лишь догадываться, что это были не самые лучшие, не самые спокойные недели в короткой жизни выдающейся нашей соотечественницы.

шкала ценностей выверена.

Кто же мог быть фактическим автором третьей, уже покаянной публикации, под тем же, якобы ее, заголовком "Ош наших предков"? Отпечатков пальцев можно и не искать, имя выдает стиль: "Наш долг - долг работников музея и атеистов - противопоставить этому подлинно научный подход в оценке памятников, развенчать религиозные наслонения, открывая перед слушателями несостоятельность религиозной идеологии". Да ведь это, с весьма высокой долей вероятности, Виктор Петрович Москвитин, в ту пору - зав. отделом партийной жизни "ЛП", а до этого - ответственный работник Ошского обкома партии, еще раньше - первый секретарь Ошского горкома КП Киргизии. В годы ВОВ в ранге политработника служил в военном трибунале. Гордился тем, что по расстрельным делам подавал иной раз особое мнение, политработнику такое дозволялось. Хотя мнения двух других членов трибунала, военюристов, обычно перевешивали...

Нет, Виктор Петрович не был в числе гонителей Елены Васильевны. Он, скорее всего, пытался выручить ее в ситуации невольно возникшего противостояния с партийной властью. В самой публикации, имеем ввиду первые два

под новый объект, чаще - производственный, и шло под снос еще одно средневековое медресе. Архитектурному комплексу мазара Асафа ибн Бурхия и мечети Джамы у юго-восточного подножия Сулаймантоо еще повезло, он, пусть с утратами, но сколько-то уцелел. В 1940 г. был занят под студенческое общежитие. Потом в этот памятник мирового значения вселился... консервный завод. Видя памятник теперь отреставрированным, отдадим должное отваге Елены Васильевны Дружининой, не боявшейся идти против течения.

"Подводя итог описанию архитектурных памятников Оша, - итожила Е. В. Дружинина свой второй очерк, - следует подчеркнуть, что в городе не сохранилось ни одного здания медресе, из ста с лишним мечетей до нас дошло не более десятка, а мазар - один. Представьте себе после этого экскурсию на тему "Архитектурные памятники старого Оша". Гид вынужден говорить в основном о зданиях, которые уже не существуют, показывать на пустующие площади и, в лучшем случае, демонстрировать фотографии. Осмотр же сохранившихся зданий невозможен, так как они заняты предприятиями или складами".

Если газета в публикациях совершала ошибки фактические, давалось опровержение В советскую пору оно считалось каким-то особым крушением идеала, бросающим тень на непогрешимость марксистских догм. При просчете политическом ситуация бывала круче. Партийный комитет, органом которого была газета, давал публичную оценку случившемуся, определял ответственность, наказывал виновных. В случае с Е. В. Дружининой, приведенные ею весьма доказательные факты не опровергались. Её как будто никто и ни в чем не обвинял. Она вдруг сама, по собственной воле, через короткий срок сменила свои взгляды, раскаялась... В чем? Какие меры или методы применила власть, чтобы смять, скомкать впечатление от неудобной ей публикации. Возможно, простейшую. Намекнули Елене Васильевне, что она может лишиться скромной должности в областном краеведческом музее.

очерка, поначалу никакой интриги не просматривалось. Можно предположить некое инициативное участие в появлении очерков зам. редактора "ЛП" Григо-

публикацию очерков Е.В. Дружининой не удалось превратить в повод для окончательной зачистки Оша от "мрачного средневековья". Рубежный

ведческом музее.

При верстке полосы с третьим, "отказным" очерком находчивый сотрудник редакции послал внимательному читателю особый сигнал - поместил на полосе ниже очерка тассовскую заметку "Оберпрокурор синода с дубинкой". Ничего особенного. В новгородских Боровичах обнаружилась подпольно выпущенная в 1901 году открытка. Изображен Лев Николаевич Толстой, на груди у него табличка с надписью "еретик". А на переднем плане - Великий инквизитор в капюшоне и с дубинкой, в котором россиянин тех дней портретно узнавал оберпрокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, отлучившего великого писателя от православной церкви. Но... Толстой-то покаяния так и не принес? Бесполезна оказалась дубинка? А в нашем случае? Сработала?

Не станем спешить с выводами. Третий, покаянный очерк, подписанный "С. Дружинина" (хотя ее звали Елена Васильевна) написан словесами, ей не свойственными. Стилем витиеватым, претензиозным. Вот перл: "Подчас религиозным людям кажется, что буквально все культовые сооружения, о которых я писала в предыдущих очерках, имели и имеют какую-то ценность как памятники архитектуры. Это далеко не так. В археологии истинную ценность представляют только те памятники, которые имеют историческое, социальное прогрессивное значение..." Перечтите-ка еще разок! Причем здесь... археология? Текст настолько торопились сунуть в газету, что даже не вычитали. Или вот еще: "Культовые сооружения представляют благодатный материал для пропаганды научного атеизма..."

Будьте добры, поищите смысл в этой фразе. Явная ересь...

"С. Дружинина" (но не сама Елена Васильевна!) в № за 5 февраля поучала: "Переоценка и преувеличение культовых сооружений Оша, конечно, не могут быть уместными и оправданными". Истинно так. Поскольку в классических по уровню подачи сложного, хотя и занимательного, историко-архитектурного материала январских очерках Е. В. Дружининой никакой "переоценки" не было,

некое инициативное участие в появлении очерков зам. редактора "ЛП" Григорий Иванович Дильдяев. Журналистов, тем более членов партии, обычно навьючивали всякими общественными нагрузками. В областной газете - областного ранга. Г.И. Дильдяев в те дни был введен в президиум общества охраны памятников истории и культуры. В феврале 1972 г. он короткий срок замещал главного редактора газеты Николая Александровича Коханова, круто отказавшего обкомовским идеологам в каком-либо отступлении от позиций, занятых первыми двумя очерками Е.В. Дружининой. "Сам" нажим на редакцию выдержал, зам - уступил, надо полагать, и нажал крепче. Да, даже при кратковременном отсутствии редактора, если он официально передал свои полномочия другому лицу, многое происходит в газете. Так и случилось, номер за 5 февраля подписывал в печать Григорий Иванович... Ну, а Виктору Петровичу Москвитину выпал шанс, "спасая" "С. Дружинину", проявить свой атеизм. Дневной. Поскольку вечером атеист перешел к чтению "пятикнижия Моисеева" - держал дома хорошую библиотеку, в числе прочего - и библию.

Имел В. П. Москвитин и сугубо личный мотив замять дело с очерками о массовом уничтожении памятников истории и культуры в Оше, как архитектурных, так и археологических. "В изданиях разных лет, - отмечала Е.В. Дружинина в первом из очерков, - мы встречаем рассказы об ошских мечетях, медресе и мазарах... Чаше всего повторяется цифра 100 - для мечетей и 54 - для медресе... В списке культовых памятников города, составленном в сороковых годах..., значилось 123 мечети и 7 медресе... Но, к сожалению, теперь этот список едва превысит два десятка памятников, находящихся в различной степени сохранности".

Не станем, вопреки реалиям, возлагать на В.П. Москвитина некую отдельную ответственность за эту тенденцию, но в бытность одним из руководителей города, он мог бы попытаться переломить ее. Нет, все продолжалось... Требовалась строительная площадка

для окончательной зачистки Оша от "мрачного средневековья". Рубежный момент - произошло иное. Не сразу, но традиция сбережения многовековой культуры берет верх.

Унесенные ветром... В.П. Москвитин и после рассмотренных здесь очерков успешно печатался в "ЛП". Елена Васильевна ненадолго пережила ветерана, но с газетой дела больше не имела. Истинным же ее гонителям - тогдашним обкомовским идеологам - сужден был куда более долгий век, время менялось, многому их научило. И те, кто требовал от Елены Васильевны атеизма, сами, покаявшись, померли в свой срок, кто - добрым христианином, а кто - правдивым мусульманином.

Е.В. Дружинина для своих очерков использовала многочисленные данные и обмеры объектов, собранные архитектором Оша Л. Г. Куцемеловым. Того, в свою очередь, народная архитектура (а не только культовые здания) интересовала еще и с такой стороны - создания на ее основе современных концепций экологически рационального жилья, когда человек и в городе смог бы жить как бы на лоне природы. Наши предки очень и очень это умели.

Мы напомнили здесь всего об одном эпизоде из многогранной научной и общественной деятельности Елены Дружининой - выпускницы Ленинградского госуниверситета (в ту пору имени А.А. Жданова), ученицы доктора исторических наук Юрия Александровича Заднепровского. По официальной оценке, ее наследие невелико - единичные статьи в малотиражных, сугубо специальных научных изданиях и пара газетных очерков, здесь нами упомянутых. Да еще и... открытие мирового значения, приоритетность которого потом неоднократно подчеркивалась в фундаментальных публикациях ее учителя Ю.А. Заднепровского. Поскольку именно Е.В. Дружининой впервые была найдена т.н. чустская керамика на южном склоне Сулаймантоо, которой и обоснована глубокая древность Оша - его более чем 3000-летний возраст.

Владимир МЯКИННИКОВ.